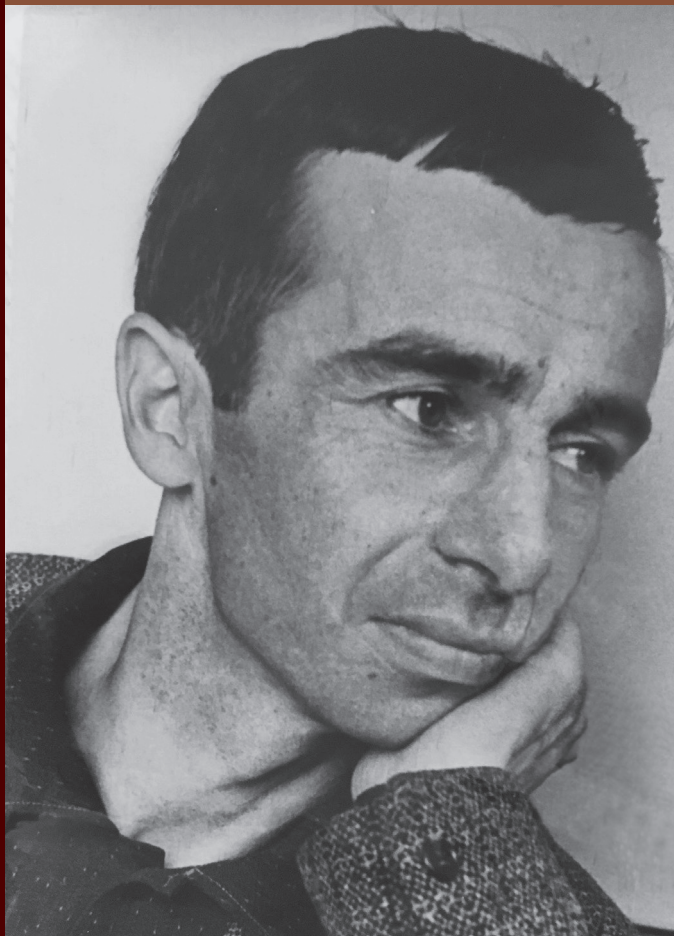

СУДЬБЫ ВЫДАЮЩИХСЯ ЛЮДЕЙ

Юрий Владов

Людмила Осокина

Причуды Владова

1932

♦
2009

Книжная серия

**СУДЬБЫ
ВЫДАЮЩИХСЯ
ЛЮДЕЙ**

*Основана в 2018 году
Е. Степановым*

**С
В
Л**

ВЫПУСК

8

Людмила ОСОКИНА

**ПРИЧУДЫ
ВЛДОВА**

Вест-Консалтинг
Москва
2023

УДК 82-94
ББК 84(2Рос=Рус)
О75

Людмила Осокина

О75 Причуды Влодова.

Книжная серия: Судьбы выдающихся людей (СВЛ) —

М.: «Вест-Консалтинг», 2023 — 60 с., илл.

ISBN 978-5-91865-751-5

Юрий Влодов (1932–2009) — легендарный поэт поэтического андеграунда эпохи застоя, автор знаменитой политической шутки «Прошла Зима. Настало лето. Спасибо Партии за это!».

В 70-е — 80-е годы прошлого века он был широко известен в узких кругах московской литературной богемы. И не только своими сильными, высокохудожественными стихами, но и не менее интересным образом жизни, своими привычками и даже причудами.

Впрочем, как поэт он имел на них полное право, ведь любая творческая личность не обходится без странностей. И именно причудами он и запомнился больше всего своему ближайшему окружению, и о них, в первую очередь, и пойдет речь в этой книге.

*В книге использованы фотографии, предоставленные автором.
Картинки без подписи взяты автором из свободного доступа
в Интернете.*

© Осокина Л., 2023

© Степанов Е., идея, название серии, 2018

© «Вест-Консалтинг», оформление, 2023

ОТ АВТОРА

Я решила вспомнить кое-что из пристрастий, привычек моего мужа поэта Юрия Влодова (1932–2009). Ну, например, что он любил есть, во что одеваться, что ему нравилось, что нет, а также какие у него были необычные пристрастия.

Я назвала эти сюжеты «Причуды Влодова», так как во многих, самых простых житейских ситуациях все-таки были у него свои причуды, все было не совсем так, а порой и совсем не так, как бывает у обычных людей.

Наверное, многие будут несколько изумлены тем, что я о Влодове тут написала. Он, конечно, был в своих привычках несколько диковат. Но что делать? Каким был, таким и был, другим его уже не сделаешь. В этом-то и вся соль этих рассказов.

Людмила ОСОКИНА

ВНЕШНОСТЬ ВЛОДОВА

Начнем с роста. Роста он был, наверное, изначально немаленького: 1,75–1,80, но тогда, когда я его встретила — в марте 1982-го, мы были почти одинакового роста, ну, может, он чуть повыше. А у меня рост тогда был 1,68 — немаленький для женщины, но и не такой уж большой. Но у Влодова в его 50 лет была уже значительная согбенность, сильная сутулость, весьма похожая на горб, и вот она-то и забирала у него 10, а то и 15 см роста.

И если бы он ходил прямо, то был бы нормального среднего мужского роста. Но сутулился он, по всей видимости, еще с молодости, это чисто криминальная привычка — уйти в себя, стать незаметным, стать ниже, невидимее, что ли. И вот уже при таком, так сказать, новом росте, при такой щуплой фигуре он выглядел в итоге как-то неприметно. Не было в нем такой могучести, стати мужской, и особо похвастаться в плане фигуры ему было нечем.

Юрий Влодов.

Фото Михаила Метцеля. 1992 г.

Кость у него была узкая, недоразвитая, грудь впалая, чахоточная, может, он даже что-то такое и перенес или даже болел этим, кто знает, к врачам-то он не ходил. При такой-то жизни, у него там, внутри, могло быть все, что угодно!

Тело свое он не любил и скрывал его всячески, не заботился о себе совершенно: и в плане здоровья, и в плане ухода за собой.

Кожа у него была очень белая (ну это под одеждой). А то, что было открыто всем ветрам, так сказать, — лицо, шея, руки — приобрело со временем красно-коричневый оттенок.

Вообще, в нем, конечно, была порода, явно аристократическое происхождение: узкая, изящная кость и ярко-белая кожа.

Волосы у него были черные, лицо чисто еврейское, огромный нос, перебитый к тому ж, очень полные губы. Глаза какого-то непонятного, то ли каре-зеленого, то ли серо-синего цвета. По-моему, они даже были разного цвета. Лоб огромный, но он прикрывал его челкой, не любил показывать. На голове были шрамы от ударов железными прутьями (это еще в молодости его так пришпандорили, он мне рассказывал этот случай), их, правда, не было видно под волосами. Брови были довольно густые, кустистые.

Общее впечатление от внешности такое: он был похож на Николо Паганини. Образ у него бы демонический, особенно в профиль: горб, черные волосы, огромный нос, горящие глаза... Ну чисто черт из табакерки! Так он порой и выглядел на некоторых фотографиях, выглядывая из-за чьего-нибудь плеча. В сочетании с его неопрятностью и неухоженностью он производил как раз впечатление мелкого беса.

Потом его внешность в принципе была какой-то обманчивой, он ее мог менять. Ну даже не знаю, как это объяснить, менять не физически, а энергетически, астрально, внутренне. Но, меняясь внутренне, он менялся и внешне, то есть впечатление от его облика в разное время было различным. Как будто в нем жили совершенно разные люди.

МОЕ ПЕРВОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ ОТ ВНЕШНОСТИ ВЛОДОВА

Я расскажу о своем первом впечатлении, которое он на меня произвел, когда я его мельком случайно увидела осенью 1981 года, еще до знакомства с ним в библиотеке Достоевского. Он зашел к одному моему знакомому, с которым я в то время общалась, а именно к Анатолию Вербицкому, в ПТУ (профессионально-техническое училище, кто не в курсе) вечером, когда тот там дежурил. Вербицкий там сторожем работал, а я зашла его в это время навестить.

И вот сидим мы с Вербицким на этой вахте, разговариваем, чай даже, по-моему, пьем, и в это время в вестибюль входит Цапин с каким-то человеком: худеньким, щупленьким, маленьким, в легкой курточке, в кепочке и со светлым шарфиком на шее. Ничего демонического в нем в тот момент не было. И вот у меня сложилось такое впечатление, что что-то у него с руками, какая-то несоразмерность, какие-то они маленькие по длине, как будто они немного укорочены. Было такое ощущение, что этот человек — инвалид. Вот это первое впечатление от него. Я еще тихонько спросила Вербицкого, кто это? И вот Вербицкий так, как-то мельком, мне говорит, что это Влодов. (Надо же, и фамилия какая-то странная!) И больше ничего он о нем не сказал, даже не то, что Влодов — поэт, а что он вообще имеет хоть какое-то отношение к литературе.

Потом Влодов объявился на студии Людмилы Суровой в библиотеке Достоевского в марте 1982 года. И тоже никакого впечатление о нем было, от его внешности, стертая такая. Он был как бы в скорлупе, внутри себя, наружу старался не высовываться и случайным людям не запоминаться. Чтобы не опознали потом, как говорится, при новой встрече. Это осталось от криминальной жизни, такое поведение, я так думаю.

ХАРАКТЕР ВЛОДОВА, ЕГО ОТНОШЕНИЕ К ЛЮДЯМ И ОТНОШЕНИЯ С ЛЮДЬМИ

Что до его характера, то по первым фразам, жестам он старался быть с незнакомым человеком дружелюбным, изъявлял готовность к дружескому общению. Старался улыбаться и как-то обаять собеседника, чтобы вызвать ответное чувство приветливости. Вообще, во всем его облике была какая-то солнечность, теплота, приветливость, открытость. Он обращался с новым человеком как старый хороший знакомый, весь проникнутый дружелюбием и участливостью. Это действовало, и человек раскрывался перед ним, начинал рассказывать о себе, доверять ему свои проблемы, тайны как старому доброму другу.

Он любил слушать новеньких, умело задавал вопросы, получая нужную информацию. Причем, на первых порах он общался с молодыми поэтами на равных, нисколько не выказывая своего превосходства, не кичась своей гениальностью, либо возрастом. Он был, казалось, такой же, как все, и это располагало к нему. Никакими проблемами своими он никого не грузил, всегда был весел и жизнерадостен. (Это при его-то жизни!) И, в принципе, при поверхностном общении он производил впечатление очень даже приятного человека. Он любил рассказывать всякие истории из своей или даже из чьей-либо писательской жизни, причем рассказывал это занимательно, в лицах, как настоящий актер, и все присутствующие валились со смеху. Он вообще любил пустой треп, пустую, ни к чему не обязывающую, болтовню. Он мог часами вести какие-то разговоры ни о чем, обсуждать какие-то литературные сплетни. Был вполне светским человеком. И если с ним просто время от времени общаться, то все могло быть хорошо и впечатление от него осталось бы самое приятное. У некоторых, кстати, оно и осталось.

Но если, не дай бог, кого-то угораздило ввязаться с ним в более близкие отношения, в любовные или семейные, то вот тут и начинались проблемы. Вот тут-то мерзостная часть его натуры

проявлялась во всем блеске. Причем, это было совершенно неожиданно для человека, так как он даже представить себе не мог наличие в нем таких мерзких качеств и был этим необычайно шокирован.

Обычно его мерзости начинали вылезать из него после того, как он выпьет, в трезвом виде он еще как-то держал себя в руках. Но в пьяном уже не мог себя контролировать. Наверное, ему приходилось слишком сильно сдерживаться, будучи трезвым, демонстрируя дружелюбие тем людям, которых он терпеть не мог, но от которых в чем-то, возможно, зависел. Может, у кого-то приходилось время от времени ночевать, может, у кого-то деньги брать на пропитание, или еще чего. Ну а в пьяном виде все это раздражение выплескивалось. Ведь, на самом деле, все эти люди, с которыми он общался, были ему вовсе не нужны для творческого или чисто человеческого общения. Он просто их использовал для своих нужд: ночлегов, еды, секса, выпивки. А если бы у него было хоть какое-то жилье и пропитание, он и близко бы этих людей к себе не подпустил. Он бы разогнал их, по его же словам, «как помойных ворон», потому что они совершенно не соответствовали его внутренним потребностям. Может, он вообще бы ни с кем не стал бы общаться, а заперся бы и никого бы к себе не подпустил, если бы у него вдруг появилась собственная отдельная квартира.

Но, с другой стороны, он вряд ли стал бы жить в ней один. В обязательном порядке появилась бы какая-нибудь женщина и какой-нибудь ученик, которых он стал бы использовать для разнообразных мелких надобностей. Ведь сам он ничего делать в быту не умел, да и не хотел, поэтому ему нужны были своеобразные слуги под видом учеников и любовниц, которые бы его обслуживали. Также ему нужны были люди, с которыми он мог бы общаться, разговаривать, читать свои новые стихи, иначе ему становилось скучно.

Наверное, он был истинно народным поэтом, потому что всегда был окружен народом, всегда был вместе со своим народом, не чурался его. Он любил именно простой народ, всех этих обрванных, интеллигентов терпеть не мог, потому что они вечно

из себя что-то корчили, образованность свою показывали, культуру и прочее. Он этого не любил.

Он — гений, поэтому и должен был быть главным, а не какая-то там интеллигенция. Женщин, кстати, он предпочитал из народа, из провинции, не москвичек, нет. Провинциалки были более покладистыми, более терпимыми, более добрыми, что ли. Еще он больше любил молодежь, нежели людей своего возраста. Ну, во-первых, потому что сам был мальчиком в душе, во-вторых, молодыми было легче управлять, их можно было долгое время использовать для своих нужд, а взрослых дядек и теток вряд ли. Они бы просто не стали ему служить, а сразу бы раскусили его, в общем-то, эгоистические намерения. Поэтому в окружении Влодова всегда преобладала молодежь в возрасте от 18 до 28 лет.

Вообще, Влодов был хитрая бестия. Дружелюбие его, конечно же, было не вполне искренним и использовалось для того, чтобы завлечь, расположить к себе новую жертву, чтобы не спугнуть потенциального будущего донора. Да, новые люди им очень ценились, потому что были еще неиспользованными, отношения с ними были неиспорченными, и какое-то время, возможно и довольно продолжительное, можно было использовать их в своих делах. Поэтому после знакомства сначала проводилась разведка боем и выяснялось, чем этот человек может быть полезен Влодову. Узнавалось, где он живет и с кем. Можно ли к нему будет зайти в гости, пообедать, переночевать или даже пожить. Также выяснялось, где он работает и кем, какая у него примерно зарплата, есть ли семья, дети, можно ли разжиться у него деньгами.

Еще узнавалось, насколько человек свободен, может ли он, хотя бы по вечерам, составлять Влодову компанию, куда-то с ним ходить, где-то его сопровождать и, возможно, между делом, все оплачивать. Также прощупывалось, была ли у человека лишняя одежда, можно ли было чем-то разжиться для себя.

Ну, а платой за все это были щедро раздаваемые обещания публикаций, книг, вступление в Союз писателей, обещание всяких нужных литературных знакомств и связей. А поскольку эти публикации и все такое прочее делались не сразу, а нужно было

какое-то время, и довольно долгое, ждать, от 4-х до 8-ми месяцев, а то и дольше, вот это время Влодов и мог использовать новоиспеченного знакомого в своих целях. Иногда бывало и дольше все это дело тянулось, год, например, или полтора. Потому что некоторые публикации или какие-то еще литературные дела Влодов все-таки делал и тем вселял надежду на что-либо еще, таким образом продлевая и общение с неофитом.

Частенько Влодов многих своих учеников делал клиентами. Или как бы клиентами, т.е. что-то там за них писал. Но тут уже неофит попадал на основательный крючок, и служение затягивалось на годы. Я была поражена какой-то странной послушностью и исполнительностью некоторых учеников. И только потом поняла, в чем тут дело. А дело в том, что Влодов давал какому-либо своему ученику пару-тройку своих стихов, тот их печатал где-то, или даже сам Влодов помогал ему опубликовать эти стихи под фамилией этого ученика, а потом говорил, что вот эти стихи были напечатаны гораздо раньше под фамилией его, Влодова, и получается, что этот человек сейчас вот учинил плагиат, спер его, Влодова, стихи и опубликовал под своим именем. И если он сейчас поднимет этот вопрос, то случится страшное: человек будет не только опозорен в литературном мире, не только закончится, так и не начавшись, его карьера, но и он, Влодов, может его даже за это посадить. Вроде как за плагиат был положен срок.

Такое заявление было как гром среди ясного неба для ничего не подозревавшего ученика, он и поверить не мог, что его Учитель, такой добрый, радушный, мог с ним так поступить. Но дело было сделано, пути назад уже не было, и приходилось идти к дьяволу в услужение и расплачиваться за собственную глупость. Так многих он цеплял и беззастенчиво потом использовал долгие годы. Конечно, назвать полноценными клиентами их было нельзя, ведь у него были и клиенты, за которых он писал много и постоянно, и они получали за это большие гонорары и делились отчасти с ним, а это так, небольшая шалость, несколько штук, либо небольшая подборка, либо вообще одно стихотворение для зацепки, они были «зацеперы», эти ученики, если так можно выразиться.

Ну что тут можно сказать? Конечно, он поступал нехорошо и безнравственно, с одной стороны. Но, с другой стороны, люди тоже поступали безнравственно, соглашаясь на такое. Ведь если человек — пишущий, то как можно брать чужое и выдавать за свое? Это тоже преступление против нравственности, против морали, против самой творческой сущности человека. И если он нарушил основной закон творческого человека — писать самому, позарился на чужое творчество, то нет ему прощения. Такой человек уже не может быть творческим человеком, он уничтожил себя своим поступком, поэтому и несет вполне заслуженное наказание. Влодов, таким образом, работал как демон-искуситель в области поэзии. Он проверял людей на истинность, на искренность их творческих намерений. Для чего человек выбрал себе такой путь, литературную, творческую стезю: для того, чтобы явить свое творческое «Я» и обогатить тем самым литературу, художественную словесность своим творчеством или просто стать писателем, поэтом, потому что это престижно, почетно, здорово, потому что работа, так сказать, не пыльная, а славы, почета, денег дает немало? И если человек пришел только за деньгами, за славой, за престижем, то он с легкостью возьмет чужое творчество, чтобы побыстрее достичь своих целей. И никогда воистину творческий человек, пришедший в литературу для серьезной работы, не воспользуется чужим творчеством, потому что таким образом исчезнет сама суть его работы, сам смысл его существования как человека творческого. Вот Влодов и выявлял таких литературных карьеристов и аферистов, припечатывая их к позорному столбу и изощренно, по-дьявольски, издеваясь потом над ними.

Но я думаю, они этого заслуживали, и правильно он делал. Ведь здесь вопрос стоял не только об искушении чисто литературном. Вопрос стоял о проверке этого человека на вшивость в принципе. Неважно даже, что он взял: стихи или еще что-то.

Он пошел на это. Он совершил моральное преступление. Ведь таким образом он может купить-продать все, что угодно: и совесть, и душу, и мать родную, если посчитает это выгодным. Человек совершил моральное преступление и, таким образом, открыл себя

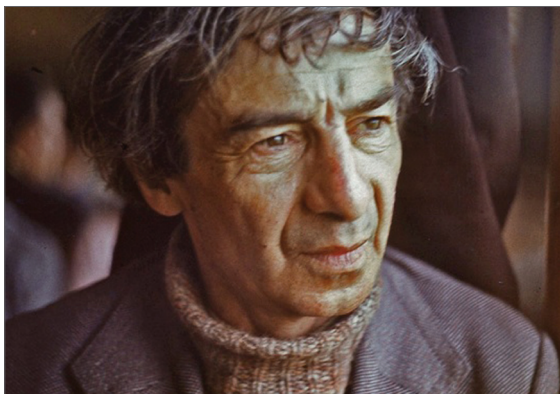
дьявольскому воздействию, снял с себя Божью защиту. И, соответственно, в итоге был предан в руки дьяволу, и его участь, по большей части, уже была предрешена. Такое положение вещей не только добивало этих людей морально, но, в некоторых случаях, и физически. В лучшем случае, многие из них потом просто никем не стали, их собственная творческая карьера сошла к нулю, хотя они и свое там что-то писали, и издавали, но уже никак не смотрелись в литературе. А некоторые, кто реально использовал творчество Влодова, очень скоро умерли. Да, дьявол пожал свою жатву, но они сами были в этом виноваты.

Ну, а чисто по-человечески, если так рассудить, то за что его осуждать? Ему негде было жить, нечего было есть, нечего надеть, поэтому он делал то, что мог, чтобы элементарно выжить. Ему надо было просто выжить, а эти товарищи хотели денег, славы, почестей, из-за этого пошли на моральное преступление, за что в итоге и заплатились.

ОДЕЖДА ВЛОДОВА

Во что он одевался? Во что попало, что под руку подвернется. Поскольку он своих, кровно заработанных денег, почти никогда не имел, то и рассчитывать на одежду по собственному выбору тоже не мог. Ему оставалось довольствоваться только либо какими-нибудь обносками, либо подарками щедрых учеников или влюбленных в него женщин. Естественно, отдавали, да и дарили, что придется, а не то, что ему, собственно, было нужно.

Поэтому одет он был ужасно.

Юрий Влодов.
Фото
середины 90-х.

За этой одеждой не было почти никакого ухода, ему нигде было ее стирать, гладить, штопать, развешивать по стульям и вешалкам, поскольку долгое время просто не было места, где это можно было бы делать, да и некому было особо этим заниматься. Поэтому из одежды в годы скитаний у него было только то, что на нем. Короче, можно было представить себе его вид. Это когда еще до меня и первое время со мной было. Ведь я тоже вместе с ним скиталась, и у меня тоже не было ни денег, ни жилья.

Когда я с ним только познакомилась, он был форменным обрванцем. Я помню первоначально какую-то чудовищную куртку серо-бурого цвета, которая была застегнута отчасти на молнию,

но молния не расстегивалась и приходилось снимать и надевать эту куртку через голову.

Потом, когда мы кое-как жилищный вопрос утрясли, и появились первые деньги, очень небольшие, правда, я стала покупать ему одежду. Но все равно новая одежда сидела на нем как-то странно, он не выглядел в ней ухоженным и хорошо одетым. Скитальческий дух очень плотно в нем обосновался, и он никак не хотел менять своих глубоко укоренившихся привычек, и я не могла ничего с этим поделать, и у меня особо-то и сил не было, чтобы с ним по этому вопросу воевать. Какое-то время, правда, пыталась привести его в божеский вид, но в итоге это оказалось свыше моих сил, и я решила оставить все как есть. Изменить привычки человека после 50-ти лет почти невозможно, а именно в таком возрасте он мне повстречался.

Что же это были за привычки, что мешали ему выглядеть презентабельно? Ну, во-первых, чтобы выглядеть прилично, надо было мыться. Во-вторых, под низ, под эту новую одежду, надо было что-то приличное надевать, а он надевал что попало, поэтому все на нем стояло торчком. По всей видимости, он не знал такого понятия, как нижнее белье: трусы, майки, ну, как носят все нормальные мужчины.

Трусов он не носил никогда, маек тоже.

Даже презирал эту одежду, — как фраерскую. И хотя я периодически покупала ему трусы, но заставить его надеть их было невозможно. Вместо трусов он носил какие-то нижние штаны, то есть под обычные брюки он надевал еще одни, почти такие же, но чуть похуже. И вот все это создавало значительные неудобства впоследствии, при раздевании для сна, например. Ведь чтобы раздеться для сна, нужно, чтобы имелось нижнее белье, но он же его не носил. Поэтому раздеваться ему было проблематично, непонятно было, в чем тогда он должен оставаться? Голым? Но это было невыносимо. Абсолютно голым я его не видела почти никогда. А, допустим, в нижних штанах — бессмысленно, потому что они были почти такие, как верхние, только еще грязнее изнутри. Да и снимал он их только вместе с верхними, он предпочитал их не разъединять.

Со временем они прилипали друг к другу и уже были трудно разъединимы.

Иногда эти нижние штаны все ж таки снимались и выбрасывались, заменялись на новые, если уж сильно загрязнялись и начинали вонять. Но частенько весь «комплект» менялся сразу, чтобы не заморачиваться с разъединением. Поэтому дома Влодов предпочитал спать, не снимая своих штанов, то есть не раздеваясь. И через пару недель такого спанья совсем новые брюки таковыми уже не выглядели. И никак он не мог иметь приличный вид при таком отношении к вещам.

Тоже самое происходило и с верхней частью его одежды. Правда, она была чуть почище нижней, но все равно: Влодов не любил сверху носить не только никаких маек, но даже футболок и рубашек с коротким рукавом. Даже под пиджаком. Он этого терпеть не мог — показывать свои бледные немощные руки. Поэтому руки всегда закрывались. Почему-то вместо нижнего белья сверху он любил носить рубашки, но только с длинным рукавом. А поверх рубашек — пиджак, а если дело было зимой, то под пиджак пододевался свитер, или джемпер какой-нибудь.

За рубашками требовался уход, и их приходилось иногда стирать. Но уход за рубашками Влодова отличался от ухода за рубашками простых мужчин. Им же требовалось, чтобы все было выстирано, выглажено, чтобы все сверкало. Для него это не имело значения. Требовалось, чтобы хоть как-то было постирано. Он особой привередливостью в этом плане не отличался. Просто чтобы было немного чище, чем было до того.

Поверх всей этой амуниции — рубашек, свитеров — он носил пиджаки (раньше он вместо пиджаков носил джинсовые или вельветовые куртки). Я накупала ему штук 5 в секунд-хэнде на развес в середине 90-х, пиджаки были очень даже ничего, он до конца дней своих в них ходил. Пиджаки были удобны тем, что в них было много карманов — и внешних, и внутренних, и можно было набить их всякой всячиной. Да и вид они давали более-менее презентабельный, прикрывая его впалую грудь, худые плечи и руки, а также большой горб сзади. Помнится раньше, когда он

«работал» в «Юности», я его более-менее одевала. Костюмы какие-то покупала, свитера. Из верхней одежды, помнится, купила ему длинное зеленое пальто-пуховик со съёмной подкладкой. И вот он лет 8 в нем ходил. Зимой с подкладкой, а весной снимал ее и ходил уже в этом пальто, как в плаще.

Короче, красавцем он не был, да еще дополнительно уродовал себя такой ужасной одеждой и отсутствием должного ухода за собой.

В связи с этим мне вспомнился такой эпизод. Мне этот случай рассказала его давняя подруга Антонина Ростова. Как-то он приехал к ней в гости, а она жила на Ленинском проспекте, недалеко от площади Гагарина. Напротив, на другой стороне проспекта, был вход в Нескучный сад, куда Тоня ходила гулять. А Тоня жила в тот момент со своим мужем, Михаилом Бекетовым. Ну, они там засиделись за разговорами, за выпивкой, метро на тот момент уже закрылось, поэтому Тоня предложила Влодову переночевать у них. Он согласился. Она поставила ему раскладушку, постелила на нее постель с чистым постельным бельем и предложила Влодову расположиться на ней. Возможно даже принять душ (!). Влодов посмотрел на эту раскладушку, сильно разволновался и вдруг сказал, что пойдет лучше ночевать в Нескучный сад, хлопнул дверью и ушел. На дворе в то время, правда, стояло лето. Тоня и Миша остались в некотором недоумении.

«Вот я думаю, чего он ушел, зачем ему понадобилось спать в Нескучном саду?» — недоумевала Тоня. «А ты постелила ему белую простынь?» — уточнила я. «Конечно, а как же!» — воскликнула Тоня. «Вот он от твоей белой простыни и сбежал!» — сказала я. «Как так?» — изумилась Тоня. «А вот так! — ответила я. — Ты его просто напугала такой постелью, он ведь грязный весь, как он мог лечь на твою белую простынь? А, тем более, раздеться, и пойти в душ, для него это немислимо. Он не мылся вообще, знаешь ты об этом, и спал, не раздеваясь, да и белья у него нет внизу. Кинула бы ему старое одеяло на раскладушку, и дело с концом, он бы лег и уснул».

Тоня была поражена моими словами. Она и предположить не могла, что такое может быть! Но вот так оно и было, такова была реальная жизнь, вот таким он был человеком.

ЧТОБЫ НЕ ИСПОРТИЛИ ОДЕЖДУ

У него, кстати, была одна странность, касающаяся одежды. Одежда у него, во всяком случае, до меня, была оторви да брось, одевался он в неслыханные обноски. Денег на покупку одежды у него не было, поэтому он носил, что придется, выпрашивая у кого-то чего-то, либо принимая, так сказать, что-то в дар.

Поэтому, когда я стала покупать ему какие-то новые вещи, то стала замечать, что он эти вещи наедине, так сказать, со мной старался не оставлять. Или прятал куда-то, или все время следил за мной, если вещи висели где-то на виду, на вешалке, например. Порой он забирал вещи с собой, даже идя в туалет, а когда уходил из дома, если не мог эту вещь забрать с собой, то укладывал на кровать и намечал все вокруг самым немыслимым образом, какими-то спичками, нитками, бумажками.

Я была в изумлении, когда такое заметила. И спросила его, зачем он это делает. Он ответил, что из-за того, что в этой (новой) одежде он может понравиться другим женщинам, то я могу ее попортить, поэтому он и прячет ее, и следит за мной. Я только выкрикнула возмущенно: «Как же я могу ее попортить, если я сама тебе ее купила?!» Он ничего на это не отвечал, но за одеждой, тем не менее, продолжал следить, и это меня очень напрягало и раздражало. И если я мыла в прихожей пол, а там стояли на тот момент его новые туфли, то он не сводил с меня глаз, лежа на своей кушетке на кухне. Типа, как бы я их не поцарапала. И так он меня достал за всю жизнь вот этой своей заморочкой, что порой мне уже и вещи ему не хотелось покупать, чтобы потом вот так с ним мучиться, покупать, чтобы потом он меня за это изводил! Нормально!..

Это было уже какая-то паранойя, никакого разумного объяснения я подобным действиям не находила.

НЕМНОГО О БРИТЬЕ, УХОД ЗА ГОЛОВОЙ

Единственное, за чем он хоть немного ухаживал, так это за своей головой. Голову он мыл более-менее регулярно, может, 1 раз в неделю, может, 1 раз в 2 недели, но мыл. Стричься ходил в ближайшую парикмахерскую или просил кого-нибудь постричь из своих знакомых. Цапина, например, или Никитушкина, или бабу какую. Я не умела стричь и боялась это делать.

Любил он также бриться. Никогда никакой бороды или усов он не отращивал. Все сбрасывал. Брился он каждые 2–3 дня. Причем обычными лезвиями, не электробритвой, нет, и не половинчатыми, а только полными лезвиями, и очень острыми. Щетина у него была очень жесткая, и ее брали только совсем новые лезвия. Мне их частенько приходилось покупать.

Брился он не сидя перед зеркалом, нет, а на ходу, расхаживая по комнате не глядя в зеркало. Заглядывал в него, когда проходил мимо, а так весь процесс осуществлялся вслепую. Ходил, брился, размышлял о чем-то о своем. Это было сродни медитации.

В последние полгода бриться особо уже не мог, ждал Никитушкина, когда приедет, побреет. Я не умела и боялась это делать. А Никитушкин приезжал и терпеливо брил его. Потом, после смерти, попросил у меня зачем-то бритву Влодова. Я отдала, недоумевающая.

О РУКАХ

Несколько слов хочу сказать о руках Влодова, точнее, о кистях его рук. Они были очень маленькими, белыми, с татуировками. На правой руке на тыльной стороне ладони была татуировка — жук в клетке. Влодов утверждал, что это — символ вора в законе, и я, конечно, в это слепо верила. Я вообще довольно долгое время верила всему, что говорил Влодов. Потом уже, в 90-х, я случайно узнала, что символ вора в законе — это звезды на плечах. Тогда что означал жук — непонятно, у Влодова я не могла добиться разъяснений

по этому поводу. Спросила, он что-то промямлил и все. Но я как-то особо в это не вдумывалась тогда. И вот только сейчас, когда я стала набирать этот текст, я все-таки решила поинтересоваться, что же означает эта татуировка, посмотрела в Интернете. Оказывается, жук — это символ карманника, он даже расшифровывается и означает «желаю удачной кражи». Так что Влодов в годы бурной криминальной юности был обычным карманником. И хотя он утверждал, что это самая высшая каста воровского мира, поэтому он мог в принципе быть и вором в законе, но теперь я уже даже и не знаю, что по этому вопросу думать. Звезд на его плечах я не видела, это точно. По другим представлениям жук является символом не только воровской удачи, но и удачи в принципе, также жук является связующим звеном между тем миром и этим и может принести как большую удачу, так и большие разрушения в жизнь человека и окружающих его людей.

Татуировку эту Влодов почему-то боялся показывать, все время ее прятал, надвинув на нее рукав пиджака или манжету рубашки. Поэтому он не любил при малознакомых людях что-то писать или держать в этой руке какой-либо предмет: стакан ли, ложку ли, либо еще чего. Это доставляло ему немало неудобств. Чего он боялся — не знаю. Даже если бы кто и увидел эту наколку, все равно бы никто ничего не понял, что она означает. Нужен ведь специалист, чтобы разобраться. Но он все равно был сильно закомплексованным и сам создавал себе лишние проблемы.

На левой руке у него была наколка «Люблю Шуру». Мизинец левой руки был посередине перебит и как-то странно изогнут. Еще какие-то на пальцах были наколки, буквы какие-то, пара букв.

Еще у него была одна неприятная особенность: он любил грызть ногти. Никогда их не стриг, а именно обгрызал, порой до мяса, до крови. Это было ужасно! Я не могла на это смотреть! Порой я заставляла его за этим занятием, он мечтательно возлежал на кушетке и самозабвенно грыз ногти. Наверное, это доставляло ему удовольствие. А вообще, эта привычка превращается со временем в болезнь.

Руки у него были какими-то несоразмерными по отношению с его туловищем, они казались слишком маленькими по длине. Когда я его в первый раз увидела, мне показалось, что он — инвалид и у него что-то с руками. Что-то там, наверное, действительно было, какое-то недоразвитие костей. Плохое питание после войны, дистрофия. Но у него кости в принципе были недоразвитыми с такой-то жизнью. Ну что еще можно сказать о его руках? То, что он их почти никогда не мыл, ни после туалета, ни после улицы, ни после чего. Ну конечно, если ел руками что-то жирное, рыбу, например или мясо, то потом, мыл, куда деваться. А так вот просто мытьем рук он никогда не заморачивался.

КОЕ-ЧТО О ЗУБАХ

Единственный врач, к которому Влодов когда-либо обращался, это был стоматолог. И то он ходил к нему с единственной целью — вырвать зуб. Ни о каких пломбах речи не шло, он ходил только рвать зубы. Ну, если так поразмыслить, ему, долгое время не имевшему московской прописки, да и документов в принципе, любая другая медицинская помощь была практически недоступна. Поэтому он мог воспользоваться только услугами зубодеров, вырвать зуб можно было и без прописки, и даже без документов. Ну, вот он этим и пользовался. Помнится, когда у него остался последний зуб сверху и спереди, и он вдруг нестерпимо заболел, мы поехали с Влодовым в круглосуточную стоматологическую поликлинику недалеко от трех вокзалов, у ст. метро «Красносельская», и Влодову вырвали его. Больше у него проблем с зубами не возникало. Правда, я не знаю, как он потом пережевывал пищу, но знающие люди говорят, что ее и деснами можно неплохо пережевывать, приспособившись. И даже лучше, чем зубами. Так, например, делал поэт Глазков, у него тоже не было зубов. Десны свои Влодов потом старался никому не показывать и разговаривал так, чтобы не было заметно, что у него вообще нет зубов.

Надо ли говорить о том, что он никогда не чистил зубы, у нас даже не было для него зубной щетки. Я покупала, но он, конечно, ей не думал пользоваться. Можно представить, что у него творилось во рту, какой кошмар!

Учитывая все вышесказанное, можно представить, каким он физическим чудовищем был. Конечно, он видел, понимал всю свою ущербность, пещерность в этом плане, но не хотел прилагать никаких усилий, чтобы привести себя в человеческий вид. Наверное, он даже толком и не знал, что это было такое, ведь он так жил почти всю свою жизнь.

Пищущие, общаясь с ним, еще как-то терпели его безобразный внешний вид, списывая это на его своеобразность, на гениальность, на то, что вроде так и положено большому поэту, гению, быть до такой степени неухоженным. Но никакой нормальный человек этого вынести бы не смог. Мне уже тоже это видеть все было неважноту. Поэтому дома он жил на кухне, в углу, я туда поставила кушетку, так и ему, и мне было удобней. Я с ним почти никогда на одной кровати не спала, если только первый год в халупе, но мы все равно спали с ним тогда на этой кровати не раздеваясь.

Конечно, какая-то часть ответственности за его внешний вид лежала и на мне, как на жене, но в данном случае я почти ничего не могла сделать. Я пыталась, но это надо было вести с ним постоянную борьбу, но у меня не было на это сил. Если бы мы с молодости жили вместе, то, может, что-то бы и получилось, но в 50–60 лет человека исправить уже невозможно. Да и вообще он просто посылал меня со своими претензиями куда подальше, и все. Ему и на меня, и на себя было, по-большому счету, в этом плане наплевать.

Поэтому я оставила в итоге все как есть. Так он и жил до конца своей жизни.

ВЛОДОВ И ЕГО НОСКИ

Все знают, как пахнут, точнее воняют, мужские носки, которые носили хотя бы один день. О, их запах можно считать ароматом по сравнению с тем, как воняли носки Влодова! Если нормальный, цивилизованный мужчина носит носки, не меняя от одного до нескольких дней, то Влодов носил свои носки не снимая, пока они не износятся, на что уходило примерно от 2-х до 3-х месяцев, в зависимости от сезона. В это время не стирались не только носки, но не мылись и ноги. И это не только зимой, но и летом, не взирая на самую лютую жару. Можно представить, какая горючеподобная смесь от его ног при этом образовывалась!

Поэтому Влодов даже летом носил закрытую обувь, оставляя без внимания всякие там сандалии, шлепки, тапочки и прочее. Это делалось для того, чтобы не были видны его грязные, рваные носки, не разносилась бы вонь. А без носков он никогда не ходил, на босу ногу, так сказать, по-домашнему, по-пляжному. Влодова даже в шутку нельзя было представить в таком виде, все у него на этом фронте закрывалось. Ведь ноги, для того, чтобы их открыть, должны быть чистыми и ухоженными, а там черт-те что творилось!

Влодов обычно надевал на чистые ноги, 2 пары носков, чтобы они, так сказать, подольше не заванивали. Если нижние станут вонять, то они будут прикрыты в это время верхними, и запах наружу еще долго не просочится. Вот такая была логика. Ну а потом надевались ботинки или сапоги, или что там по сезону — и пошел!

Ну, так вот. Он надевал на помытые ноги 2 пары носков, новую, возможно, обувь и долго так ходил, не снимая ни обувь, ни, тем более, какие-то там носки. Да, вот так. Это сложно представить, но так отчасти оно и было. Он не имел привычки переобуваться, придя с улицы домой, он и дома ходил в уличной обуви. Он в ней и спал.

Может, иногда снимал глубокой ночью, когда меня на кухне не было, а потом, рано утром, надевал. Да, это было ужасно!

Через некоторое время от его ног начинал идти легкий запашок. Я долгое время терпела. Потом запах становился потяжелее, а затем начиналась нестерпимая вонь, которая разносилась на несколько метров. На кухне находиться становилось невозможно. В таком случае я уже на него набрасывалась и требовала немедленно поменять носки и помыть ноги. Он, конечно, понимал, что больше тянуть нельзя, но все равно готовился к этому событию — мытью ног — несколько дней... Приказывал купить 2 пары новых носков, все ему приготовить для этой процедуры. Я ему все готовила и оставляла на кухне таз с водой, мыло, тряпки, носки, ножницы. И глубокой ночью, либо тогда, когда никого дома не было, он брался за помывку своих ног. Ну, мыл он их, похоже, чисто символически, я как-то подглядела, он просто держал их в воде и все. Но носки-таки менял. То, что от них в итоге оставалось, я тут же выбрасывала, потому что ни о какой стирке в данном случае не могло быть и речи.

В обувь он любил подкладывать специально вырезанные картонные стельки, чтобы можно было потом их выбросить перед очередной процедурой помывки, чтобы подошва не так заванивала, обувь ведь каждый раз не будешь выбрасывать, это дорогое удовольствие.

Но, конечно, обувь и ноги его — это было нечто! Особый случай. Я когда перед больницей все-таки дорвалась до этих ног, решила все сама вычистить, так как он сам сделать был это уже не в состоянии. Долго я этим занималась, и это было нечто! Я вот так близко с его ногами до этого никогда не соприкасалась, он не допускал... И вот когда я увидела их вблизи и воочию... Никакими словами этого не передашь, особенно запах. Чистила я их несколько часов и чуть с ума не сошла от такого кошмара. Ноги его были сильно поражены грибок, ступни ног были как вареные, красного цвета от грибка, ногти желтые, все в грибке, под пальцами и между ними налипла слежавшаяся грязь, ногти были невообразимой длины. Но, я все-таки, как следует, все отмыла, ногти обрезала, и в больницу (на смерть, то есть) он поехал уже с чистыми ногами. Вот такие дела.

А вообще, он всегда жаловался на ноги, что они у него болят. Еще бы им не болеть с таким-то уходом! Боялся ходить по скользким дорожкам, по горкам разным, по неровным поверхностям, и по этой причине он зиму не любил. А раньше он очень любил ходьбу, мог пройти очень даже большое расстояние пешком. Помню, мы с ребенком и с коляской по много километров проходили по улицам Москвы, по центру ее, когда жили в халупе, в Дмитровском переулке.

А в последние года 2–3 он из дома не выходил вообще. Боялся поскользнуться, упасть, не хотел рисковать. Да и незачем было ему уже ходить, и некуда...

ЧТО ОН ЛЮБИЛ ЕСТЬ

Он был в еде абсолютно непритязательным, поскольку долгое время не имел собственных денег, поэтому и в еде особо не привередничал. Дай Бог, как говорится, схавать хоть что-нибудь. Хоть что-нибудь. И это было для него счастьем. Хотя бы раз в день что-нибудь перекусить.

Ну, а если пришлось бы выбирать, то он выбрал бы **котлетки**.

Да, он любил простые, свежезажаренные котлетки, обязательно из домашнего фарша. Даже покупные котлеты, непонятно из чего сделанные, привлекали его не меньше, чем домашние.

Вторым любимым блюдом у него были **супы**. Тоже неважно, что это были за супы, даже самые простенькие, из пакета, он ел с таким же удовольствием, как наваристые борщи. Его больному желудку просто необходимо было что-то жидкое и горячее.

Также нравились ему какие-то **кильки в томате** или **плавленые сырки**, простенькая колбаска. А уж просить купить какие-либо деликатесы или приготовить, как говорится, «котлеты из индейки, мозги из канарейки», такое ему и в голову никогда не приходило.

Он почти ничего никогда не просил из еды: купить ли, приготовить ли. Может, чего и хотел, но просить боялся. Что сделаю, что куплю, то и ел. Складывалось впечатление, что еда ему была как бы и не нужна, так, как бы между прочим, между делом что-то прихватить, перекусить.

Он стеснялся вообще выказывать свою потребность в еде, он считал, видимо, что не имеет на нее морального права, поскольку долгое время не работал и денег в дом не приносил. Он мог просить и даже требовать купить сигареты или выпивку, но не еду. Он также понимал, что люди скорее дадут денег на бутылку, нежели на еду. Поэтому он частенько, когда мы не имели денег и скитались, просил денег на выпивку, а потом покупал на них еду. Он был знатоком людской психологии, знал, что людям нельзя показывать свое больное место, иначе потом по нему и будут бить.

Что еще он предпочитал в еде?

Ну, например, он любил **арбузы** и в арбузный сезон все ж таки просил купить арбуз. Я, в любом случае, их покупала, и он с удовольствием ел. А вот дыни он не любил совершенно. Также он не любил почему-то яблоки, но с удовольствием ел **груши**. Любил **виноград**, **крыжовник**, а вот смородину, клубнику — нет. Также ему нравились **помидоры**, а вот огурцы — нет.

Вообще, он не очень любил все эти фрукты-овощи, зелень, он не был помешан на так называемом здоровом питании, все эти витамины, протеины были для него пустым звуком, он ничего в этом не понимал. Правда, знал одно слово из этого лексикона: «**калории**», они были для него чем-то вроде витаминов.

Колбасу еще воспринимал как-то, **сливочное масло**, потому что это давало калории. Часто просил намазать **хлеб** маслом. Кстати, очень много он ел хлеба, наверное, это осталось у него от голодных военных и послевоенных лет. С одной маленькой котлеткой он мог съесть полбатона хлеба и даже еще оставить кусочек котлетки «на потом». Это меня сильно раздражало. Что значит «на потом»? До «потом» надо еще дожить. А чтобы дожить, надо есть сейчас. Вот так.

Вообще, он не любил есть за общим столом. Он, конечно, ел, но был не особо этим доволен. А так он любил принимать пищу, как зверь, — в полном уединении, чтобы никто не видел, как он там что-то поглощает или выскребает со дна. И может, даже получает (о ужас!) от этого процесса удовольствие. Поэтому он любил есть глубокой ночью, один на кухне. Иногда я заставляла его за этим

занятием, выйдя за чем-либо ночью на кухню или в туалет. Он самозабвенно ковырялся в какой-либо сковородке или кастрюле, прикрыв при этом глаза.

Еще он любил пить что-то типа газировки. Его постоянно мучила жажда. Наверное, он чем-то в этом плане болел, может, даже диабет какой у него был. И вот он полюбил эти газированные напитки в больших бутылках. Причем, качество и вид напитка особого значения не имели, он мог с одинаковым удовольствием выпить и кока-колу, и фанту, и лимонад, и любую, даже самую ядовитую, подкрашенную воду, лишь бы она была сладкой и с газом. Я уже из больших зол стала выбирать наименьшее: покупала ему наш, отечественный, лимонад, он и цену имел приемлемую, и по качеству был получше, более натуральный, что ли, был. Выпивал он большую полторалитровую бутылку очень быстро, чуть ли не за день, а носить из магазина их было все-таки тяжело, даже из нашей близлежащей «Копейки». Ведь я же брала не только воду, но и другие продукты.

Поэтому, когда я открыла для себя Интернет-магазин «Утконос», из которого продукты привозили на дом, я стала заказывать для Влодова эту воду целыми упаковками. В одной упаковке было по 6 бутылок. Вот я и заказывала по 3-4 упаковки на месяц, особенно в летний период, и он все это быстро выпивал.

Я, честно говоря, не совсем понимала его пристрастия к этим, в общем-то, бесполезным и даже вредным напиткам. Чай, понятное дело, кофе — тоже. А вот это что такое, какой в этой воде смысл? Ну, я понимаю, там в жару, на улице выпить бутылку воды, это еще приемлемо, ну а так для чего? Даже не знаю. Я сама эту воду практически не пила. Но у него были свои (извращенные бедностью) вкусы, и ничего с этим поделать было нельзя. Он так привык.

Еще он любил мороженое.

Но особо на него рот не разевал, так как ему было неловко, он понимал, что это как бы детская еда. Или, в крайнем случае, женская. И как-то неприлично ему, мужчине, хотеть съесть мороженое. Но все-таки я мороженое ему периодически покупала, и он с удовольствием им лакомился. Самым любимым его мороженым было **фруктовое** – щербет такой фруктовый в бумажных стаканчиках. Но его еще не везде в то время можно было купить. Но когда покупала, он мог съесть несколько стаканчиков.

В последние года полтора он ел очень плохо. Наверное, у него уже все болело внутри. Порой он наотрез отказывался от еды, и мне приходилось почти насильно кормить его с ложечки. Мне и ребенка надо было кормить, и его, оба капризничали, и я не знала, что делать. Я была от этого просто в отчаянии.

РИТУАЛ ОПОРОЖНЕНИЯ

У Влодова были сложности с хождением в туалет по-большому. Он имел такую удивительную болезнь, как выпадение прямой кишки, и боялся ее очередного защемления во время процесса. Поэтому с того момента, как мы стали жить в отдельной квартире, он начал ходить в туалет следующим образом: он наливал в специально предназначенное для этого ведро очень горячую воду, садился потом на него и так опорожнялся. Воду с кашками выливал потом в унитаз. И хотя унитаз находился рядом, Влодов все равно в течение всей оставшейся жизни ходил в туалет именно так.

Я думаю, что дело здесь было не столько в опасности защемления, оно случалось редко, а в том, что ему просто нравилось так ходить, видимо, это доставляло ему какое-то удовольствие. А что? Теплая водичка под попой, автоматическое омовение после процесса, ничего не нужно потом вытирать, да и не слышно при этом никаких сопутствующих звуков. Все проходило мягко, свободно и легко.

ЗАКРЕЩИВАНИЕ ПОМЕЩЕНИЙ

Еще одна заморочка, которая возникла у него в старости, это было закрещивание помещений. С какого-то момента, по какому-то особому чутью он начал это делать.

Это была довольно длительная процедура, он считал, что ее нужно делать каждый раз после 12-ти часов ночи, т.е. на каждый новый день ставить защиту. Он закрещивал каждый угол на кухне, причем, по несколько раз (по 3 раза, наверное), и шептал при этом себе под нос какие-то слова, кланялся во все углы.

Он не любил, чтобы видели, как и что он делает, и что делает это вообще. Но иногда я, выйдя на кухню за чем-то в неподобающий час, заставала его за этой процедурой и задавалась вопросом, чем это он таким тут занимается, он объяснял, что ставит на нас защиту.

Может, и правда, эти его кресты были защитой? А он всем своим нутром чуял, что на его семью ведется астральное нападение, поэтому и крестил, защищал нас, как мог. Ведь недоброжелателей у него было очень много, а угроза могла исходить от самых невинных с виду людей, на которых и вовсе ничего плохого не подумаешь.

НОВОГОДНИЙ РИТУАЛ

В последние 10 лет Новый год Влодов встречал дома, на кухне. Мы даже уже никак его не отмечали, никого в гости не приглашали, особо ничего не готовили и даже не пили ничего из спиртного. Да и порой в разных комнатах встречали: он на кухне сидел, я в — комнате.

Но он все равно проделывал свой ежегодный ритуал встречи Нового года.

На кухонный стол, где у него стоял телефон, он клал листок чистой бумаги, ручку, пачку сигарет, зажигалку, пепельницу. Готовил стакан свежесваренного чая с сахаром. За 5 минут до Нового года

он сочинял какое-нибудь небольшое стихотворение, за минуту до боя курантов закуривал и выпивал немного сладкого чая. Все это должно было символизировать, что он и в Новом году будет исправно писать свои стихи, курить сигареты, пить чай и, конечно же, разговаривать по телефону. После боя курантов он обязательно кому-нибудь звонил и поздравлял с Новым годом! И, конечно, все задуманное исполнялось, поскольку не особо мудреными были и задумки!

ОН ЕЛ САХАР БОЛЬШИМИ ЛОЖКАМИ!

У нас на столе одно время стояла большая зеленая сахарница. И вот я заметила, что он ест из нее сахар большой столовой ложкой. Я сказала, что вредно есть так много чистого сахара, но он меня не слушал и продолжал есть. Мне было противно на это смотреть, потому что я сахар в чистом виде не любила и никогда не употребляла, даже чай всегда пила без сахара. И если кто мне по незнанию насыпал в чай сахар, то я отказывалась такой чай пить. Я любила сладости, но не сахар.

Влодов же ел именно сахар, и это было ужасно! Причем, он не только поедал его в чистом виде, но и сыпал в безмерном количестве в чай, чуть ли не по полстакана. Причем он не понимал, что у сахара, как у любого растворимого вещества, есть предел растворимости. В определенном количестве жидкости может раствориться только определенное количество сахара, а дальше он попросту не будет растворяться. Но он все равно сыпал много, не в силах воспринять этот простой химический закон. Потом приходилось мыть кружки и стаканы из-под его чаепитий с затвердевшей, как стекло, коркой нерастворившегося сахара.

Вот такой он был сластолюбец. Но, наверное, этот сахар требовался его гениальному мозгу в качестве питания. Как-то надо было писать стихи!

ОН ЛЕЧИЛСЯ ОТ ВСЕХ БОЛЕЗНЕЙ АНАЛЬГИНОМ

Вообще, Влодов был своеобразным психическим наркоманом, он мог подсесть на что угодно: на какие-то действия, на какие-то препараты, вещества, и делать это, либо употреблять что-то до тех пор, пока его не остановит жизнь. Одно время он начал поглощать в больших количествах анальгин. Врачей он не любил, почти никогда к ним не обращался, и единственным лекарством, которое он признавал, это был анальгин. Что-то у него внутри начало болеть (он не говорил что, это был секрет), и он в больших количествах начал глушить анальгин. Я все покупала, покупала, по 2 пластинки, по 3 (в пластинке по 10 таблеток), а они тут же, за день, за два исчезали. Я ему сказала, что анальгин тоже вредно употреблять в таких количествах, если что болит, надо сходить все-таки к врачу, но он меня также не слушал. Он был абсолютно диким и неуправляемым в своих заморочках, и втолковать ему что-то было невозможно.

СИГАРЕТЫ, КОТ

Раньше, когда у нас еще жил кот (с 1996 года по январь 2005-го), мне все время приходилось покупать еду для кота, что было сущим мучением. Кот у нас был сильно избалованный, в том числе не без участия Влодова. Кот уже почти ничего не хотел есть, все ему приелось, очень был

привередливый. Конечно, мы его разбаловали, то фарш ему свежесырокопченый я покупала, то печенку, а то и вообще, вырезку говяжью. Мы сами такой еды не ели, какой кормили кота. Но он уже и это, гад, не ел! Да еще надо было найти, где все это продается. Не в каждом магазине еще можно было найти еду для него, приходилось для этого куда-то специально идти, делать крюк. Сама по себе я бы так с котом миндальничать не стала, кинула бы ему в миску какую-нибудь кильку в томате и все. Но Влодов такого не позволял и требовал уважения к коту и к его кошачьему рациону. Поэтому, когда я собиралась в очередной раз в магазин, Влодов непременно мне напоминал, что нужно купить еду и для кота. (Как-будто я сама об этом не знала!)

Также мучил меня Влодов своими сигаретами. Тут он тоже не шел ни на какие компромиссы. Сигареты должны быть, и именно того вида и сорта, которые он в данный момент курил. А такие сигареты тоже могли быть вовсе не в тех магазинах, куда я направлялась за едой. Поэтому это тоже усложняло мои походы в магазин. И вот каждый раз перед уходом в магазин он мне непременно напоминал: «Сигареты, кот! Сигареты, кот!» Чтоб тебе!

КОНФЕТЫ-СОСАЛКИ

Потом, под занавес, как говорится, он перешел вместо анальгина на конфеты-сосалки. Это такие конфеты-леденцы: барбариски, дюшес, мятные, взлетные. И вот одно время он взялся их поглощать в невероятном количестве. Я ему покупала по полкило, по килограмму, и они исчезали за несколько дней, макси-

мум, за неделю. Он их все сосал, сосал, и днем, и ночью. Это тоже было не очень хорошо, вредно в таком количестве эти конфеты употреблять, если учесть еще и то, что он мало что помимо этого еще и ел.

И я ходила в один маленький магазинчик на Большой Очковской, где продавались эти конфеты на развес и закупала там их килограммами. 1 кг, помню, 98 рублей тогда стоил. Так вот, часть этих конфет, несколько штук, так и осталась от него, так и лежит в сухарнице вместе с некоторыми его вещами, я специально их сохранила для истории.

ВЛОДОВ И ТЕЛЕВИЗОР

Влодов очень любил смотреть телевизор, его от телевизора было не оторвать. Он мог смотреть все подряд.

Никакие умные передачи, фильмы он не любил, ему нравилось что-то самое примитивное. Из фильмов он предпочитал детективы или старые художественные фильмы, которые он смотрел в молодости, комедии. Из передач что-то типа «Поля чудес». Очень нравился ему почему-то фильм «Город Зеро», я же его терпеть не могла.

Я и телевизор-то не любила и смотрела довольно редко. Мельком глянешь через плечо, и ладно. И я вообще не понимала, как вот так можно тупо, без разбора, все подряд смотреть. Ну, мне вообще некогда было этим заниматься, у меня всегда была куча дел. Зато у Влодова времени было более чем достаточно, и телевизор ему был как нельзя кстати. Он мог часами смотреть все подряд, нисколько при этом не уставая. Меня же телевизор необычайно, к тому же, утомлял, и я еще и по этой причине старалась смотреть его как можно реже.

Долгое время мы телевизора вообще не имели в своих скитаниях, в житье на съемных квартирах. У нас не было никакого телевизора начиная с того момента, как мы познакомились с марта 1982 года и кончая 1990 годом, когда мы переехали в первое свое жилье в Москве, в Чертаново, в комнатку Егорова. Вот там у нас и появился черно-белый телевизор, мне отдала его тетка. Но он едва показывал.

Потом, когда переехали в Очаково, весной 1993 года, то через год, летом я купила первый наш собственный цветной телевизор «Setro». Вот именно этот телевизор и был у нас почти 15 лет, потом уже и в 102-й квартире.

Одно время он стоял в комнате, а Влодов спал на кухне. Так по утрам он приходил, усаживался в кресло посреди комнаты, включал телевизор и начинал смотреть все подряд. Я какое-то время это выносила, потом мне это надоело, телевизор меня сильно утомлял, мешал и раздражал, и, по-большому счету, был в комнате не нужен, так как сбивал меня с толку и не давал ничего нужного сделать.

Я решила вынести его на кухню, поставила на тумбочку в ногах у кушетки Влодова. Он был этому необычайно рад и стал смотреть его практически круглосуточно. Особенно он любил смотреть его по ночам, когда я в комнате укладывалась спать, а он закрывался с котом на кухне и наслаждался там всякими ночными фильмами и передачами. Порой он и засыпал перед телевизором, и утром я заставала телевизор работающим вхолостую, все передачи уже кончились, и он работал просто так, а Влодов, самозабвенно храпел, усмотревшись ночного видео.

Таким образом, он пересмотрел, и не по одному разу, многие фильмы и даже жаловался, что ему нечего теперь смотреть. Его было сложно оторвать от телевизора даже для каких-то нужных разговоров, он говорил, что я ему мешаю, он смотрит фильм, либо передачу и не желает со мной разговаривать. Меня это страшно бесило. Я считала, что живой человек важнее телевизора, тем более, что все фильмы не пересмотришь при всем желании. Но он так не считал. Он считал, что он заслужил всей своей жизнью, всем своим гениальным творчеством право на отдых, на просмотр этого телевизора. Он хотел просто отдохнуть, тупо глядя в телевизор. Да, он и в этом был дикарем и примитивом, не корчил из себя умного и образованного, не тщился смотреть какие-либо заумные или культурные передачи. Единственное, что он не любил смотреть, так это спортивные передачи. Спорт он не любил и даже презирал, и не хотел смотреть его ни в жизни, ни по телевизору. Также не любил он песни и классическую музыку.

Телевизор от такого, почти круглосуточного, использования стал показывать со временем все хуже и хуже, потерял все свои цвета и краски. В комнату мы, правда, купили к тому времени новый. Но новый телевизор начал уже смотреть наш маленький ребенок — внучка, и поставить его Влодову теперь не было возможности.

Где-то за год до смерти он перестал его смотреть, да и телевизор почти перестал работать. Этот старый, почти неработающий телевизор я отдала охранникам внизу, а Влодову хотела купить новый, маленький такой. Но не успела. Вот такие дела.

ВЛОДОВ И ТЕЛЕФОН

Такой же любовью, как телевизор, у Влодова пользовался телефон. Точнее, даже большей любовью, ведь Влодов очень любил говорить по телефону. И когда он скитался, и приходил к кому-либо в гости, у кого был телефон, то, в первую очередь, он бросался к телефону и уже не отлипал от него почти весь вечер.

У нас долгое время в Очаково не было телефона, ни в 55-й квартире, ни в 102-й. Мы переехали в Очаково в 1993 году, а телефон удалось поставить где-то в 1998-м.

Это Влодова чрезвычайно обрадовало, и он часами сидел на кухне, днем ли, ночью ли, и говорил с кем-либо по телефону. Особенно он любил болтать по ночам. У него был определенный круг телефонных знакомых — в разное время разных — которых он по кругу каждый день обзванивал.

Болтать он любил в основном ни о чем. Светская, ни к чему ни обязывающая болтовня, какие-то литературные сплетни, перемывание косточек. Ну, и чтение новых стихов всем по кругу, а также обольщение всякими разными разговорами каких-то новых баб.

Телефон, конечно, доставлял ему много удовольствия и радости, так как связывал его с внешним миром, отвлекал и развлекал. Единственное, чего он не любил, так это вести какие-то деловые разговоры, кого-то о чем-то просить, с кем-то о чем-то важном

договариваться. Это его страшно раздражало. Иногда, конечно, он делал это, но такое было очень редко.

И хотя телефон в 102-ю квартиру поставила я, что стоило в то время мне невероятных усилий, и записан он был на меня, и платила за него я, но, тем не менее, он был в полном распоряжении Влодова. И мне самой с трудом удавалось им воспользоваться. Во-первых, потому что Влодов его постоянно занимал, во-вторых, потому что он за мной постоянно следил, в том числе и за моими звонками.

Аппарата телефонных у нас было два: один стоял в комнате на тумбочке у моей кровати, другой — на кухне, у него на столе. И когда телефон звонил, неважно кому: ему ли, мне ли, он старался первым схватить трубку и подать в нее голос, как бы показывая тем самым, кто в доме хозяин. Он был очень прыток в этом вопросе, как бы он там ни лежал, ни спал или еще чего, при телефонном звонке он резво вскакивал и хватал на своем телефоне трубку. Даже если я брала на своем телефоне трубку, видя по АОНУ, что звонят мне, я не успевала подать голос, Влодов меня опережал или заглушал мой тихий голос своим мощным рокотом. Несмотря на свою физическую щуплость, голос он имел основательный. Если звонили мне, он нехотя как бы клал трубку и подзывал меня. Но частенько трубку и не клал, а слушал мои разговоры, что было для меня крайне неприятно. Но даже если и клал трубку на телефон, то все равно подслушивал, стоя у двери.

Мне, в основном, звонили или моя сестра, или моя знакомая Татьяна, Толстая Баба, как он ее называл. И мне иногда хотелось с ними поговорить подольше. Но уже по прошествии примерно 10 минут он начинал насаждать на меня, говоря, что ему куда-то там надо звонить, и чтобы я заканчивала разговоры. А если я пыталась прервать его пустую болтовню, когда мне надо было сделать какой-то действительно важный звонок, то он бывал этим очень недоволен.

Так что телефон тоже был оккупирован Влодовым, и ничего тут поделать было нельзя.

После того, как он умер, его телефон через некоторое время перестал работать. Я не стала его выбрасывать, а сохранила на всякий случай для истории, так сказать, для будущего музея. Может, и будет когда. Это был простой телефонный аппарат светло-серого цвета, с диском, по которому Влодов говорил примерно 5 лет. Правда, до этого у нас был такой же простой дисковый телефон фиолетового цвета, такой основательный, с очень удобной трубкой, с длинным проводом на трубке. Сейчас такие уже и не делают, еще советского образца телефон. А жаль! Очень удобные телефоны, не какой-то там китайский ширпотреб. Так он тоже стоял на кухне лет 5, и Влодов его угробил, говоря по нему часами. Потом я уже купила второй, светло-серый. Ну, он и его ухандокал полностью.

Года за 2 до смерти, на свой день рождения, он затребовал купить ему в подарок мобильный телефон, причем не у меня, а у Мамаы, у Ирины Медведевой (так он ее называл для себя!). Она как-то спросила, разговаривая с ним по телефону, что он хочет на день рождения, ну, он и сказал, что хотел бы мобильный телефон. Поэтому Ирина Медведева вместе с Николаем Григорьевичем Тюриным, своим мужем, организовала покупку этого телефона и вручила мне на одном из мероприятий с тем, чтобы я передала его Влодову. Он, конечно, очень обрадовался этому подарку, но воспользоваться им так и не смог. Он уже никуда не ходил, и мобильный был ему, по сути, и не нужен. Зачем звонить с мобильного, тратить деньги, если есть домашний, тогда еще бесплатный, телефон? К тому же у этого телефона были слишком маленькие кнопки, он с трудом их различал. Поэтому сам телефон так и остался лежать долгое время где-то в коробке. Потом, когда Влодов умер, я положила этот телефон ему в гроб, это ж все-таки был его телефон. Кто знает, может, там он смог им воспользоваться?

ВЛОДОВ И ЕГО БАБЫ. БРЕД РЕВНОСТИ

Влодов был жутким ревнивцем. В норму его ревность не вписывалась, это была явная патология. По-моему, есть такой диагноз в психиатрии как «бред ревности», это один из видов паранойи. Потому что никакой разумной логикой поведение Влодова в этом плане обосновать невозможно. Бывают, конечно, довольно ревнивые люди, но их ревность имеет все-таки какие-то реальные причины, на чем-то основывается, имеет хоть какой-то повод.

Не то с Влодовым. Здесь его воображение становилось абсолютно беспилотным, и он придумывал, что хотел, придумывал то, на что была способна его богатая фантазия. А она была способна на многое.

Да, в плане ревности Влодов был полностью шизанутой личностью, и жить с ним любой женщине было не только некомфортно, но и смертельно опасно. Его большое воображение, помноженное на пьяный угар, в котором он частенько пребывал, и пренебрежительное отношение к женщине, идущее из криминального мира, порождало и страшные ситуации... Пожалуй, именно эта пытка со стороны Влодова в мой адрес была для меня самой жесткой, самой страшной. Я не знаю, как я выжила в этом кошмаре, ведь он мучил меня своей ревностью всю жизнь, а прожила я с ним ни много ни мало, а 27,5 лет! Я, конечно, в итоге приспособилась, но, все равно, выносить этот вид мучений было невероятно тяжело.

Самое ужасное было в том, что свою проблему он посторонним людям не афишировал. Если с ним вести поверхностное общение, не вступая в какие-либо близкие или сексуальные отношения, то он был сама любезность. Ему можно было многое рассказать, в том числе своих прежних любовях и увлечениях, и он совершенно, казалось бы, адекватно это все воспринимал. Он мог посочувствовать даме, посмеяться вместе с ней над ее кавалером, перемигнуться вместе с дамой ему все косточки, а про себя сказать, что вот он не ревнивый, нет. Он дает женщинам полную свободу. Но взамен они тоже должны давать такую же свободу ему. Но все это были сказки для неискушенных в его логике дам. Это было отчасти так, если женщина была, пока что, не его.

Он рассказывал о разных типах своих женщин, точнее, о типах своих отношений с ними. У него, например, могла быть любимая, это та девушка, с которой он прокручивал очередную любовь. Любимая была для души. С ней даже необязательно было спать, она могла ему в постели и не нравиться.

Были у него и просто любовницы, с которыми тоже была и любовь, но уже не такого высокого порядка, а так, на бытовом, как говорится, уровне. Были и так называемые постельницы, которые возбуждали его только сексуально, и ни о какой любви с ними не могло быть и речи, они никак не тянули на любовь, но для секса годились, разово или еще как. В эту категорию могли входить даже старушки.

Были у него и сожительницы, это гражданские жены, с которыми он в данный момент жил, или у которых жил, если у этих женщин было на тот момент свое собственное жилье. Были и загсовые жены, которые могли возникнуть из гражданских. Короче, вот такой у него был пестрый женский букет, причем, все они могли существовать почти одновременно. Он ни в чем себе в этом плане не отказывал. И любая женщина, попавшая в поле его зрения, могла быть им использована, как говорится, для секса и любви.

И про всех своих бывших жен и любовниц он рассказывал вновь объявившимся подругам. Умалчивал он только об одном: каким он их ужасным пыткам подвергал в плане ревности. Поэтому, когда новая подруга, вступившая с ним в очередные отношения, вдруг в итоге наталкивалась на этот кошмар, это становилось для нее настоящим шоком. Она даже и предположить не могла, какой кошмарный ужас скрывается за внешностью этого, на первый взгляд, милого, улыбчивого, покладистого человека.

Да и проявлялась эта ревность не сразу, даже после вступления в сексуальные отношения он еще какое-то время себя сдерживал и приступал к психологическим пыткам попозже. Правда, случайных, разовых баб, с которыми он общался от случая к случаю, это вообще не касалось. Вся беда сваливалась на тех женщин и девушек, с кем он начинал жить, особенно в том случае, если у них не было ни кола, ни двора, и им приходилось скитаться вместе с ним. В принципе, он таких частенько и выбирал, чтобы издеваться над

ними без помех, чтобы они от него зависели, чтобы им некуда было уйти, чтобы за них некому было заступиться.

Девушка или женщина, поступившая к нему на проживание, должна была выполнять, в первую очередь, основное требование: она не должна была куда-то от него отлучаться, она должна была всегда быть рядом с ним. Вообще всегда. Она не должна была с ним разлучаться более чем на 10–20 минут, это время давалось, чтобы выскочить в ближайший магазин за хлебом, вином или пачкой сигарет. А в остальном его подруга не могла... вообще ничего не могла. Она не могла ходить на работу. Она не могла ходить на учебу, если где-то училась. Тем более, она не могла одна поехать к родителям, либо к родственникам, потому что там, конечно же, ее мог поджидать какой-либо пылкий любовник. И, конечно же, какие тут могли быть подруги, друзья, поездки за город, на дачу там или еще куда! Поездки на курорты вообще не рассматривались. Также нельзя было его женщине одной, без него, ходить в театр, в библиотеку, на концерт, в музей, на выставку, потому что там, (о ужас!) везде мог хорониться очередной любовник, который только и мечтал наставить ему, Влодову, рога!

Так что никакие аргументы и оправдания в своей благонадежности от подруги не принимались, он должен был инспектировать все ситуации лично. Поэтому, возникало много проблем в дальнейшей жизни. Ни работать, ни учиться, ни общаться с родственниками, друзьями и подругами было нельзя. Поэтому подруга, если хотела быть с ним, должна была от всего этого избавиться. Ну, это в том случае, если у его подруги хоть что-то из перечисленного до Влодова было.

Поскольку требования были очень жесткими, то выдержать такое могли лишь единицы. Либо это были подруги, потерявшие все еще до Влодова, девушки, скитающиеся, он порой находил таких где-нибудь на вокзале. Либо это какие-нибудь безумные поэтессы, которые были готовы на все, лишь бы быть рядом с Влодовым как с гением, как с большим поэтом. Он очаровывал их своей гениальностью, легендарностью своей личности, и они были готовы на все, только чтобы не расставаться с ним.

Такая жесткая позиция в этих делах не только его очередную подругу лишала свободы, но и самого Влодова, в общем-то, тоже. Он же должен был за ней следить и тоже не мог с ней разлучиться, оставить одну, пойти куда-то один. Он везде должен был таскать свою

пассию с собой. Это было крайне неудобно, это отнимало у него все время и силы и, через какое-то время, начинало его раздражать и утомлять. После выпивки это раздражение выплескивалось, и его подруга получала жесточайшую выволочку. За что? За то, что находится рядом и усложняет ему жизнь. Зачастую во время подобных ссор подруга прогонялась (или бежала сама), но если она не хотела с Влодовым расставаться, либо ей некуда было идти, то она должна была, побродив вокруг дома минут 20–30, вернуться назад, чтобы ей не приписали во время этого вынужденного, так сказать, отсутствия измену, и просить у него прощения, чтобы он ее принял назад. Конечно, подруга после изрядной выволочки прощалась, могла выдохнуть и жить дальше, до следующего раза. До следующей выпивки, которая могла произойти на следующий день.

Но многие девушки-женщины такого кошмара все ж таки не выдерживали и после полугода, максимум, восьми месяцев бежали от Влодова без оглядки. Если подруга была бездомной, то она бежала куда глаза глядят, и больше уже он ее не видел. Либо она возвращалась к своим родным, родителям и даже, возможно, и к бывшему мужу. Это было все же лучше, чем находиться рядом с Влодовым. Если же подруга имела свое жилье и Влодов пристраивался у нее жить, и когда он и ее тоже доканывал своей ревностью, ему приходилось уматывать самому. Он это понимал и безропотно удалялся.

Вот такие были дела. Вот такое я получила тяжелое наследство в плане Влодова. И вот это все я в свое время пережила. Жизнь моя

в течение всего срока жизни с ним была наполнена сплошным перманентным кошмаром. Конечно, со временем я избавилась от тотального надзора за собой, получила свободу передвижения, так сказать. Но эта безумная ревность, она ведь все равно никуда не делась, он только загнал ее внутрь, но она периодически вырывалась наружу и отравляла мне жизнь.

Его ревность также представляла нешуточную угрозу для всех наших знакомых мужского пола, он к любому из них мог меня приревновать. Ведь Влодов мог не только устроить примитивный дебош по этому поводу, но и мог мстить потом своему предполагаемому обидчику более изощренно. Поскольку обидчиками были в основном молодые, начинающие поэты, то Влодов, пользуясь своими достаточно серьезными литературными связями, мог полностью закрыть им все ходы, сломать их литературную карьеру.

Поэтому знающие люди старались на пушечный выстрел не приближаться к влодовским бабам, старались не иметь с ними никаких дел. Поэтому если бабы были пишущими, то они были изолированы от литературного мира как со стороны самого Влодова, так и со стороны литературного мира. Все боялись навлечь на себя гнев Великого и Ужасного.

Так вот произошло и со мной, я была изолирована от литературного мира много лет. И вот этот страх влодовского гнева у многих пишущих, знавших Влодова, укоренился настолько, что они даже после смерти Влодова продолжали бояться общаться со мной, не хотели идти со мной ни на какие контакты, опасаясь, как это ни странно, даже с того света надзора и мести Влодова в их адрес. Так мне один товарищ и сказал, когда я захотела вместе с ним как-то на одном вечере сфотографироваться. Он был весь напряжен. И когда я спросила, в чем дело, он сказал, что боится Влодова. Что он оттуда все видит и может покарать. Я задумалась над этим вопросом. А что, может, этот мужчина в чем-то и прав? Может, Влодов и следит за мной, ведь не зря же я, спустя столько лет после его смерти, все еще не замужем. Ведь в паспорте у меня до сих пор стоит штамп брака с Влодовым. А развода-то — нет! Ну и что, что он умер. Это не значит, что его не существует. Вот такие дела.

ВЛОДОВ И ЕГО РУКОПИСИ

Рукописи свои Влодов хранил как придется, никакого архива у него никогда не было, все было в беспорядке. Он вообще относился к материальным результатам своего труда наплевательски. Он точно следовал завету Пастернака: не надо заводить архива, над рукописями трястись. Хотя он не специально это делал, просто у него так вполне органично складывалось по судьбе. Ему чужда была всякая работа, даже такая, которая касалась обработки и сохранения его собственных трудов. Он жил, как птичка божья, которая, как известно, не ведает заботы и труда, поет себе на ветке с восхода до заката. Его интересовал сам процесс творчества, его непосредственные горячие результаты — свежеиспеченные стихи, которые можно было показать восхищенным поклонникам, где-то кому-то прочесть, покрасоваться перед всеми, а все остальное было рутиной и не вписывалось в его творческие задачи. Плевать он хотел на каких-то там неведомых потомков, которые когда-то там народятся и будут получать удовольствие от чтения его стихов. Ему-то что с того? Он сам хотел получать удовольствие от только что написанного им и радовать этим свое ближайшее окружение, а все остальное ему было безразлично.

Вот такое было отношение к рукописям в принципе, ну, и результаты в итоге были соответствующими.

Рукописи Влодова делились на 2 категории: напечатанные на пишущей машинке (компьютеров тогда еще не существовало) и пребывавшие в девственном состоянии — написанные от руки на каких-либо листочках, клочках и обрывках бумаг.

Можно, наверное, обозначить еще и третий тип его рукописей: это стихи, хранившиеся непосредственно в голове Влодова, стихи, написанные когда-то, но по каким-то причинам не записанные вообще, либо когда-то записанные, но утерянные. Но Влодов все равно их помнил и читал своему окружению. Иногда, путем уговоров и просьб, некоторые стихи удавалось-таки из мыслехранилища извлечь, Влодов соглашался продиктовать их для записи. Но это

Листочек из рукописей Юрия Влодова.

было непросто, он читать-то читал, а диктовать вовсе не хотел. И надо было еще подловить для этого момент.

В самом лучшем положении находились напечатанные рукописи. По крайней мере, их легко было читать и уже нельзя было допустить ошибок при переписке и последующей перепечатке. Но с такими рукописями существовала другая проблема, они были объемными, громоздкими, в карман вот так просто не помещались, с собой их носить было сложновато, поэтому с их хранением существовали определенные трудности. А поскольку у Влодова почти всю его жизнь не было постоянного жилья, то вопрос, где и, самое главное, у кого хранить рукописи, стоял очень остро. В карманы и за пазуху напечатанные рукописи не положишь, поэтому приходилось оставлять их у разных людей: у надежных учеников, бывших жен, знакомых, подруг, любовниц. Это никак не гарантировало их сохранность. Ведь он, таким образом, в какой-то мере, зависел от этих, так сказать, хранителей и должен был поддерживать с ними хорошие отношения, чего Влодов делать почти не умел, особенно с бывшими женами и любовницами. С некоторыми хранителями

связь со временем пропадала совершенно, они могли куда-нибудь переехать, например, либо затаиться, не желая отдавать, в общем-то, ценное приобретение. Эти рукописи, возможно, в дальнейшем можно было после смерти Влодова, например, выгодно продать как-либо коллекционерам или музеям.

Такие вот отпечатанные рукописи хранились у многих его ближайших, на тот момент, учеников и женщин. Возможно, Влодов отпечатывал одну и ту же рукопись в нескольких экземплярах (ведь можно же было в машинку вставить копируку и напечатать сразу 2 или даже 3 экземпляра) и, для пущей сохранности, оставлял копии у разных людей. Если у одного пропадет, то у другого сохранится.

Иногда рукописи оставлялись у бывших гражданских жен, у которых он какое-то время жил. Жены прятали их при «разводе», так сказать, либо Влодову некуда было их забрать, и они оставались до лучших времен. В частности, у Людмилы Суровой остались лежать рукописи Влодова тех времен, конца 70-х.

Иногда мы, идя по улице, встречали ненароком кого-нибудь из хранителей его рукописей. Влодов осведомлялся, как там его рукопись. Тот утверждал, что хорошо, лежит. Влодов даже в некоторых случаях грозился прийти и забрать, хранитель покорно соглашался. А что ему оставалось делать?

Но забрать рукописи долгое время было некуда, поскольку мы собственного жилья не имели и жили, где придется. Но в итоге жилье появилось, и кое-где рукописи мы все-таки позабыли.

Рукописные же рукописи Влодов складывал вчетверо и клал в какой-нибудь карман, и так хранил. Рабочего стола, чтобы класть хотя бы в стол, у него за всю жизнь так и не появилось, поэтому вместо стола были карманы. Со временем выростала целая стопочка таких листочков. Чтобы они не рассыпались, не растерялись, не испачкались, Влодов складывал их впоследствии в целлофановый пакетик, а когда он наполнялся полностью, перевязывал его каким-либо шнурком или веревочкой. Иногда заворачивал рукописи даже в носовые платки и завязывал их потом, перед отправкой, так сказать, на вечное хранение, какими-то немислимыми узлами.

Ну, а пока стопка не набралась, носил так, в россыпи. Это приводило рукописи к очень печальному виду, они могли стереться, намочнуть, разорваться, либо вовсе потеряться где-нибудь. Учитывая образ жизни Влодова, когда он мог напиться до потери сознания и лечь спать где-нибудь на улице под кустом, это было более чем вероятно. Да, наверное, так не раз и случалось. Может быть, и рукописные наборы он кому-то тоже сдавал на хранение, возможно у кого-то и хранятся подобные штуки. Но, мне думается, во годы оны, до меня то есть, он отдавал на хранение по большей части, только машинописные рукописи, не доверяя в полной мере своему окружению. Ведь они могли рукописный вариант заныкать совсем, и он мог остаться без своих же стихов. Он же не мог держать такое количество стихов в памяти, многое и забывал, наверное.

Вообще, первое время, когда я начала с ним общаться, а потом и жить, в марте 1982 года, я не припомню при Влодове каких-то рукописей написанных от руки, ну, если только пару-тройку листочков из ближайшего кармана. Я помню только машинописные рукописи, подготовленные как бы для книги объемом примерно от 60 до 100 страниц и хранящиеся где-то у кого-то, куда мы время от времени заходили. Но в халупе, где мы в то время жили (это дворницкое помещение в Дмитровском переулке, д. 2) рукописей Влодова не было. Помню только 1 тетрадку с военными стихами, небольшую такую общую тетрадку в 48 листов, исписанную не рукой Влодова, а кем-то из его учеников. Вот она и болталась там по сумкам, по столам. А так, в халупе везде лежали рукописи дворника Валеры Толмачева, огромными такими стопками они лежали на столе, на полу, в столе.

В 1988 году, когда мы жили уже на хорошей съемной квартире в Орехово-Борисово, я взялась для чего-то делать его большую рукопись на машинке. Может, книгу собирались издать, может, еще чего, но для какого-то дела я взялась делать ее, а не просто так. С чего печатала, тоже не помню, может, с рукописей, а может, и Влодов диктовал. Но вот печатала, у нас к тому времени появилась собственная печатная югославская машинка «Unis», красивая такая, красная с белым, маленькая, компактная. И вот на этой

машинке я отпечатала довольно-таки основательную рукопись: главные его стихи из основных книг — военной, исторической, лирической и божественной. Вот это я вывела из небытия и как-то организовала в одной печатной рукописи. Долгое время потом мы на основе этой рукописи делали какие-то подборки для печати.

После того, как я эту рукопись с невероятными трудами отпечатала, Влодов вместо благодарности набросился на меня с проклятиями, что я все не так сделала, наделала массу ошибок, и все такое. И вообще, он, мол, меня не просил это делать, нечего было лезть во все эти дела.

Мне было очень обидно. Я проделала такую грандиозную работу по печати этой рукописи, а меня не только не благодарят, а еще и проклинаят! При чем здесь ошибки? Ошибки можно поправить, а вот напечатать это все — не просто.

Но, самое главное, он не хотел, чтобы кто-то лез в самое святое, в его рукописи. Это ведь его стихи, поэтому он что хочет с ними, то и делает. И нечего тут свою морду совать! Так он мне говорил. «Что ты лезешь в мое творчество? Я сам во всем разберусь! Занимайся своими стихами!». Но он и не думал своими рукописями заниматься. Слишком много было всего, и он не хотел тратить на разбор рукописей свои силы и время, он мог найти и более приятное занятие. «После моей смерти разберутся!» — так он говорил. (Знал бы он, как сейчас после смерти разбираются с рукописями умерших поэтов, выносят на помойку — и все!). Я не знала, что и делать. И если одну рукопись мне удалось хоть как-то сделать в конце 80-х, то к последующим стихам он меня вообще не подпускал.

Как-то, в начале 90-х, когда мы еще жили в Чертаново, он достал из кармана стопку листочков — наугад, и сам все напечатал. И вот эта часть стихов непонятно какого года тоже вошла в обиход.

А так потом ни я уже, ни он сам долгое время к рукописям не обращались. Я, конечно, понимала, что надо как-то подняться над собой, над личными обидами, — и всякими правдами и неправдами хоть какую-то часть рукописей у него отбить, как-то сохранить для литературы, для истории, для последующих

поколений. Но, с другой стороны, меня уже достало это все, такое обращение, что это я буду из кожи вон лезть ради его рукописей? Мне-то что за дело? В конце концов, они действительно не мои, пусть пропадают. Они и пропадали, лежа как попало и где попало в его карманах, пакетиках, пакетах, сумках. По всей квартире они были рассованы в какие-то углы, завязанные всякими невероятными узлами.

Даже анекдот такой у меня на эту тему появился. Влодов говорит: «Буду публиковать только гениальные стихи!» Я говорю: «Да у тебя ж не хватит!» Влодов: «Хватит! Хватит! Вон еще целая куча под кроватью валяется!».

Самое смешное, что под кроватью действительно валялась целая куча его гениальных стихов.

ЮРИЙ ВЛОДОВ. БИОГРАФИЯ

Юрий Александрович Влодов родился в 1932 году в г. Новосибирске в театральной семье. Отец — Влодов Александр Захарович — был театральным режиссером, мать — Надежда Борисовна Надеждина — актрисой. У семьи в то время не было постоянного места жительства, родители вместе с театром гастролировали по стране, периодически оседая на некоторое время в различных городах.

В детские и юношеские годы поэт пережил войну, оккупацию, эвакуацию.

Писать стихи начал рано, лет с 7–8, вдохновленный творчеством Пушкина и Лермонтова, писал огромные подражательные поэмы.

С первыми взрослыми стихами в конце 50-х приехал в писательский поселок Переделкино и пришел к классикам: И. Сельвинскому, Б. Пастернаку, К. Чуковскому. Знаменитым мэтрам творчество молодого поэта пришлось по душе, и они прочили ему большое литературное будущее. С предисловием Ильи Сельвинского в 1967 году вышла его подборка в журнале «Смена», за которую он стал лауреатом журнала.

Но литературная карьера у Юрия Влодова не сложилось, слишком острыми и необычными для того времени оказались его стихи. Поэт написал ряд антисоветских стихотворений, а также стихи с явной сионистской направленностью, открыто выступал с ними перед большими аудиториями, чем привлек внимание соответствующих органов. Стали знаменитыми такие его строчки, как «Прошла зима. Настало лето. Спасибо Партии за это!» и «Под нашим красным знаменем гореть нам синим пламенем!». После этого судьба поэта была предрешена. Он попал в «черные списки», потерял возможность полноценно печататься, издаваться, вступить в Союз писателей.

По договору короткое время работал в журнале «Смена», в газете «Московский комсомолец», в постперестроечное время в журнале «Юность».

Печатался также в «Смене», «МК» и «Юности», а также в журналах «Сельская молодежь», «День и Ночь», «Дети Ра», «Клуб», «Зинзивер», «Дружба народов», в газетах «Труд», «Гудок», «Трибуна», «Советская Россия», в «Литературной газете», в альманахах и сборниках «Илья», «Истоки», «Приют неизвестных поэтов», «Тени странника», «Звоны над Вохной», «Эолова арфа», «45-я параллель».

Первая книга «Крест» вышла в 1996 году в издательстве журнала «Юность».

Основная книга, над которой поэт работал всю жизнь, — «Люди и боги». Это многостраничная эпопея о взаимоотношениях Бога и человека, о борьбе добра и зла в душах и сердцах людей. Книга «Люди и боги» вышла в издательстве «Время» в августе 2012 г.

Также у Юрия Влодова есть большая книга стихов о войне, книга «Портреты» на историческую тематику, а также много лирических, иронических и философских стихов и поэм.

Судьба поэта настолько необычна, что его имя уже давно овеяно легендами и мифами.

В 2009 году вышла первая книга в твердой обложке «На семи холмах». Издана ОАО «Московские учебники и картолитография». В ней, в общей сложности, 8 разделов, из них 6 — стихотворных, объемом в 224 страницы.

Весной 2015 к 70-летию победы во «Времени» вышла книга «Летопись» с военными стихами Влодова.

В издательстве Евгения Степанова «Вест-Консалтинг» в 2019 году вышла книга «Портреты». Там же, в 2019-м, в 2020-м, а также в 2022-м году появились 3 небольшие книжки Юрия Влодова, составленные из рукописей, на тему «Люди и боги».

О Юрии Влодове созданы 3 фильма: «Я Вам пишу, Ваше величество» (телефильм, канал РТР, 1992 г.), кинофильм «А гений — сущий Дьявол!» (кино-видеостудия «Человек и время», 1995 г.), «Юность. Пермский десант» (творческое объединение АРС, Пермь, 2009 г.).

О жизни и творчестве Юрия Влодова написано и опубликовано в различных изданиях много статей и интервью пермским поэтом и журналистом Юрием Беликовым.

В 2007 году Равиль Бухараев, поэт и публицист, живший в Лондоне, написал о творчестве Ю. Влодова большую статью под названием «Я — жизнь твоя!»

Юрий Влодов был членом Московского союза литераторов с 2007 года, а также членом Союза писателей Москвы с ноября 2008 г.

Умер 29 сентября 2009 г.

ЛЮДМИЛА ОСОКИНА. БИОГРАФИЯ

Людмила Осокина (по мужу Влодова) родилась в 1960 году Барнауле. После окончания средней школы в 1977 году уехала в Москву.

В 18 лет начала писать стихи и ходить на литературную студию «Весы», а затем и на студию «Чистые пруды», где в 1982-м году познакомилась со своим будущим мужем, большим поэтом Юрием Влодовым (1932–2009), автором знаменитого двустишия: «Прошла зима. Настало лето. Спасибо партии за это!» В августе 1983 года у них родилась дочь Юля.

Людмила училась в Московском государственном историко-архивном институте на факультете архивного дела (сейчас РГГУ).

Работала корреспондентом и обозревателем в журналах «Клуб», «Юность», а также книжным редактором в ИИД «Профиздат».

Стихи Людмилы неоднократно появлялись в печати, в таких изданиях, как «Московский комсомолец», «Вечерняя Москва», «Юность», «Сельская молодежь», «Гудок», «Истоки», «Клуб», «Дети Ра», «День поэзии», «Эолова арфа», «НГ-Ex libris», «Зарубежные задворки», «Кольцо А», «Zinziver», «Поэтоград», «Литературные известия», «ФутурумАРТ», альманах «Истоки».

Первая книга «Природы затаенное дыханье» вышла в 1996 году в Москве в Издательском Доме Русанова. В серии «Библиотечка поэзии Московского союза литераторов» в 2007 году появилась книга «Черная кошка», а в 2009 году в серии «Библиотечка поэзии Союза писателей Москвы» книга «Стихи, биография, библиография».

Книга стихов «Кофейная девушка» в 2010 году вышла в издательстве «Время» с предисловием Рады Полищук.

В 2014 году в издательстве «Время» вышла первая прозаическая книга — роман «Новая божественная комедия». Роман вошел в лонг-лист премии «Золотой Дельвиг», премия организована «Литературной газетой». В 2016 году вышла книга «Халупа»

о жизни с поэтом Юрием Влодовым. За эту книгу Людмила получила диплом премии «Нонконформизм–2016» от «Независимой газеты» и диплом премии Союза писателей XXI века.

Книга воспоминаний о детских и юношеских годах «Моя далекая деревня» вышла в августе 2020 года в издательстве Евгения Степанова «Вест-Консалтинг». Там же, в 2021 году вышли сразу две книги: «Фильмы о Юрии Влодове» и «СверхПознание». В 2022 вышла книга малой прозы «Осень-осень».

Людмила Осокина является Королевой поэзии праздников газеты «Московский комсомолец». Лауреат премий журнала «Зинзивер», и газеты «Поэтоград», а также журнала «Эрфольг».

Член редсовета альманаха «Истоки», член Московского союза литераторов, Союза писателей Москвы, Союза писателей XXI века.

Живет в Москве.

Содержание

Внешность Влодова	7
Мое первое впечатление от внешности Влодова	9
Характер Влодова, его отношение к людям и отношения с людьми	10
Одежда Влодова	16
Чтобы не испортили одежду	20
Немного о бритье, уход за головой	21
О руках	21
Кое-что о зубах	23
Влодов и его носки	25
Что он любил есть	28
Ритуал опорожнения	31
Закрещивание помещений	32
Новогодний ритуал	32
Он ел сахар большими ложками	33
Он лечился от всех болезней анальгином	34
Сигареты, кот	35
Конфеты-сосалки	36

Влодов и телевизор	37
Влодов и телефон.	39
Влодов и его бабы. Бред ревности.	42
Влодов и его рукописи	47
<i>Юрий Влодов. Биография</i>	<i>53</i>
<i>Людмила Осокина. Биография.</i>	<i>56</i>

Людмила ОСОКИНА

ПРИЧУДЫ ВЛОДОВА

Книжная серия
СУДЬБЫ ВЫДАЮЩИХСЯ ЛЮДЕЙ
выпуск 8

Редактор — *Евгений Степанов*
Корректор — *Фёдор Мальцев*
Компьютерная верстка, макет — *Ирина Ракитина*

Формат 140x200
Гарнитура Minion Pro
Печать офсетная
Тираж 70 экз.
Сдано в набор 10.07.2023
Подписано в печать 29.08.2023

Издательство «Вест-Консалтинг»
115230, г. Москва, Хлебозаводский проезд, д. 7,
стр. 9, этаж 7, пом. XIV, ком. 12
Тел. (495) 978 62 75

Типография ИПК «Квадрат»
Белгородская обл., г. Старый Оскол,
Комсомольский проспект, 73.

Людмила Осокина (по мужу Влодова) родилась в 1960 году Барнауле. После окончания средней школы в 1977 году уехала в Москву.

В 18 лет начала писать стихи и ходить на литературную студию «Весы», а затем и на студию «Чистые пруды», где в 1982-м году познакомилась со своим будущим мужем, большим поэтом Юрием

Влодовым (1932–2009), автором знаменитого двустишия: «Прошла зима. Настало лето. Спасибо партии за это!» В августе 1983 года у них родилась дочь Юля.

Работала корреспондентом и обозревателем в журналах «Клуб», «Юность», книжным редактором в ИИД «Профиздат».

Автор многих книг и публикаций в центральной прессе.

Член редсовета альманаха «Истоки», член Московского союза литераторов, Союза писателей Москвы, Союза писателей XXI века.

Живет в Москве.

Вест-Консалтинг
Москва
2023

ISBN 978-5-91865-751-5

9 785918 657515